

О НАРРАТИВНОМ ВОСПИТАНИИ В ПЕРИОД МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Мария Тильк,
Таллинский университет, Эстония
Э-почта: mariat@tlu.ee

Абстракт

При изучении истории педагогики сложилась практика обращать основное внимание на историю педагогической мысли: преимущественно исследуются вклад в воспитание отдельных выдающихся педагогов, история обучения, формирование и развитие школ и систем обучения. На воспитание в прямом смысле обращается меньше внимания. Это и понятно, воспитание считается более простым процессом нежели обучение: на личных примерах выросли сотни поколений детей. Кажется, воспитание становится более серьезным с момента, когда ребенок начинает специальное школьное обучение. Нарративный подход к изучению проблем воспитания в историческом контексте дает с одной стороны много дополнительных возможностей оживить и конкретизировать определенные воспитательные установки во временном пространстве, а с другой стороны обогащает обобщающие характеристики.

Предлагаемая статья рассматривает нарративный подход к самому отдаленному, т.е. первобытному периоду человека, где сформировалось мифическое миропонимание, со всеми табу, зачатками закона и права, обязательной инициацией, авторитетом учителей-знахарей. Нарратив позволяет видеть в истории воспитания широкий спектр разных воспитательных аспектов мифа, существующих еще в неразрывном единстве в целостности мифа; как то философия, история, поэзия, этика, искусство, литература, воспитание.

Каждый аспект вливается в совокупность бытия, основанном на мифологическом мышлении. Очень многие воспитательные установки пришли к нам из этого далекого периода, и их гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

В воспитательной модели дописьменного общества мы находим нарративное воспитание во всей его целостности.

Ключевые слова: миф, философия, религия, этика, воспитание, искусство, эстетика, ритуал, инициация.

Введение

Нарратив как некая архи-история присущ человеческому мышлению и языку с древних времен. Устное воспитание происходило посредством рассказывания историй. При этом сказания были сакрализованы и этим внушали страх, а также приобретали авторитет.

Воспитание потомков и подготовка их к самостоятельной жизни происходили посредством рассказывания историй, а истории тем самым и были *воспитательные нарративы*. Их

существовало огромное количество, у каждого народа свои, но общими были всегда передача и закрепление накопленного опыта и знаний.

В последующем тексте предлагается анализ основного объекта нарративного воспитания, т.е. мифа как древнего воспитательного нарратива, чтобы показать, как и в каких аспектах воспитание посредством мифов являлось в те далекие времена основополагающим наряду с приспособлением к природным условиям и освоением боевых приемов.

Современная философская традиция видит особенность отношений человека с миром в том, что субъект описывает свое участие в этих отношениях посредством разнообразных языковых форм, раскрывающих внутренние причины его поведения. Посредством нарратива, или повествования, мы придаем практике форму и смысл, упорядочиваем наш опыт темпорально и логически, выделяя в нем начало, середину, конец и центральную тему (Троцук:3). Нарративы повсеместны как механизм организации человеческого опыта, локальны в силу исторически конкретных путей их восприятия, обладают социальной инструментальностью и прагматическим потенциалом, но в итоге формируют и ограничивают какую-то определенную сферу во временном пространстве, которую мы и можем назвать *педагогической парадигмой*.

С точки зрения философии воспитания, оно всегда опирается в большей или меньшей степени на воспитательные нарративы, и так повелось уже с очень далеких доисторических времен. Уже тогда, и особенно тогда, педагогическая парадигма опиралась на нарративное воспитание.

Наиболее поучительными и в действительности глубоко воспитывающими являются известные всем культурам и народам мифы. Изучая историю педагогики как нарративное воспитание мы имеем возможность, используя разные аспекты нарратива, увеличить «количество пунктов» получаемой общей картины, и этим «уплотнить» эту картину. При надобности можно всегда эту картину «увеличить», или «увеличить» отдельные интересующие нас секторы в определенном временном пространстве.

Брокмейер и Харре оценивают нарратив как самую общую категорию лингвистического производства, которая должна использоваться «как выражение ряда инструкций и норм в различных практиках коммуникации, упорядочивания, придания смысла опыту, становления знания, в процедурах извинения и оправдания и т.д.... как концентрированный ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры.» (Брокмейер, Харре2000:36)

Древнее время очень сложно подчинить точному темпоральному определению. В более широком понимании это доисторическое, догосударственное время, но элементы древней воспитательной культуры легко узнаваемы и в более поздних цивилизациях и у разных народов т.е. в разных нарративах.

В нынешней повседневной постоянной суете мы далеко не всегда сознаем, насколько в современных воспитательных моделях мы придерживаемся явлений и действий, которые выделялись и подчеркивались уже нашими далекими предками: для примера хотя бы сакральность пищи и еды; аскеза, которая в разных своих формах издавна дисциплинировала человека; жертвоприношение; сакральность слова; мистика танца и конечно же еще многое другое.

Методология анализа

В современной историографии сложилась система принципов и методов познания. От них зависит парадигма научного знания, т.е. модель постановки проблемы и пути ее решения. В современной науке значительное распространение получили теории *структурно-функционального анализа* (Т. Парсонс, Р. Мертон), которые в качестве определяющей структуры при изучении общества берут совокупность общепринятых норм, принуждающих человека выполнять функциональные требования социальной системы. При изучении истории культуры часто используется теория структуралистов (К.Левистресс, М. Фуко), подчеркивающих базисное значение языково-знаковых структур. Среди принципов выделяют *цивилизационный принцип*, который первым выдвинул немецкий профессор Г. Рюккерт. Он состоит в идее о существовании в истории параллельных замкнутых

культурных образований, имеющих целый набор признаков: географических, этнографических, социально-экономических, культурных. Современные сторонники цивилизационного анализа, стремясь к целостному восприятию действительности, считают, что в центре цивилизации стоит человек и изучать прошлое надо в человеческих измерениях.

Под методами исторического исследования понимаются методы изучения прошлого, т.е. методы, относящиеся к исторической науке в целом, применяемые во всех областях исторических исследований.

Метод исторического познания, т.к. любой научно-познавательный процесс состоит из трех компонентов: объекта познания, т.е. прошлого, познающего субъекта, т.е. историка и метода познания. Посредством метода мы познаем исследуемую проблему, событие, эпоху.

Главные черты научного метода включают: наблюдение и восприятие проблемы, творческое прозрение и отстранение от приводящих факторов, выдвижения новой гипотезы, экспериментальная или документальная проверка на совместимость с другими известными фактами, моделирование и упорядочивания исследования. К числу основных методов исторического познания Ковальченко И.Д. относит: 1. историко-генетический; 2. историко-сравнительный; 3. историко-типологический; 4. историко-системный.

Историко-генетический метод относится к числу наиболее распространенных в исторических исследованиях. Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения. Этот метод позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта исследования. При этом историческое явление отражается в наиболее конкретной форме. Познание идет последовательно от единичного к особенному, а затем - к общему и всеобщему. По природе генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации - описательным. Генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи, закономерности исторического разлития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности.

В исторической науке довольно давно применяются и нарративные и дискрептивные методы. *Нарративный или описательный метод* лежит в основе гуманитарного знания. Они передают исторические события в том виде, как они преломились в сознании их авторов. Главной особенностью нарративных источников и произведений является то, что они дают связный рассказ об исторических событиях.

Дискрептивные методы (от англ. Discrete, отдельный, раздельный) используются при описании отдельных исторических явления, объектов. В основе дискрептивных методов лежит представление о существовании самозамкнутых единиц, на которые распадается исторический процесс. Наиболее широкое применение эти методы получили у сторонников цивилизационного подхода к истории. При этом цивилизации рассматриваются как крупные социокультурные системы со своими закономерностями, которые не сводятся к закономерностям функционирования государств, нации, социальных групп.

Каждая цивилизация самобытна, «живет» своей жизнью, имеет свою судьбу, свои институты и ценности. Взаимодействуя друг с другом, цивилизации не теряют собственной уникальности, возможные заимствования каких-либо элементов из других цивилизаций могут лишь ускорить или замедлить, обогатить или объединить их.

В данной статье делается попытка использовать нарративный и дискрептивный методы в совокупности с историко-генетическим методом, в частности через анализ ритуала.

О мифе как воспитательном нарративе

Миф и мифологическое мышление являются чрезвычайно важными воспитательными компонентами. Мы имеем дело с устной памятью, которая передавалась из поколения в поколение. Миф является одной из важнейших знаковых систем мировой культуре вообще, и на этот счет у ученых имеется большое количество теорий. (Шкуратов 1997:201). Это событие, которое отразилось в нашем сознании, архи-история, не знающая разницы между

истинным и вышленным, она сама являет собой высочайшее и единственное укрепленное словом событие.

Миф не различает общее и индивидуальное, поскольку является всегда формой коллективного сознания и веры. Мифы всегда содержат много информации о знаниях человека о природе. Когда-то миф и был сознанием родового общества (Голан 1991:22).

Но миф не только начальная, исторически первичная форма культуры. Мифы живы и сегодня, они вечное явление. Но в наши дни миф не имеет такой силы, как у первобытных народов, поскольку является для нас не единственной формой информации о событиях. Мы стараемся на миф смотреть со стороны и по возможности освободиться от его влияния (что происходит намного реже, чем нам хотелось бы). Посредством мифов можно и в наши дни формировать мнения и воспитывать человека.

В далеком прошлом человек не сознавал своей обособленности от окружающего мира. Все вливалось в одушевленную целостность природы, легко изменяло форму. Все существовало во всем. В основном нам известны мифы о богах, так как до нас дошли они в письменных источниках, то есть в более поздних версиях по сравнению с временем рождения мифов. Миф сам родился задолго до письменности, когда человек начал туманно сознавать свою связь с природой и старался понять её. Боги тоже появились позднее.

Миф существовал до религии, вернее соединял в себе все позднее разделившиеся сферы духовной деятельности: философию, религию, историю, науку, поэзию, искусство, этику, воспитание. Культура существовала еще в мифологическом единстве, без специализации. (Культурология...1998:153)

Миф легко соединял разные события, переставлял их во времени, изменял порядок эпизодов, создавал новые связи. Миф не дает ответа, какого далекого времени события он описывает. Миф различает лишь самые общие, глобальные изменения, смену времен: золотой век, серебряный век... и движется из времени богов во время героев. Боги вне времени, они вечные. Герои приходят к богам, но они ближе к людям, так как жили когда-то на земле. Это было эпическое прошлое.

В мифе оживлялась и продолжалась память человеческого общества. Человек был смертен, но переступив порог смерти, он рождался в другой жизни. Но и короткая земная жизнь была под постоянным контролем богов и умерших предков. Они создали законы, которые передавались в устной традиции и хранились в коллективной памяти. Они уже давно создали эталоны повседневного поведения, и ими был подан пример. (Элиаде 1998:37). Культ предков требовал точного выполнения предписанных ими законов. Кто не выполнял их или выполнял неточно, тот подвергался наказанию. Все старое было важнее, чем новое, поскольку старое было уже проверено и внушало доверие. Предков считали всегда более мудрыми.

Великая История (обычно история создания) влияла на человека и внутренне, и с внешней стороны. В ней была уже своя протомораль: сюжет мифа всегда показывал, что правильно, а что нет. Такое объяснение существования мира, влияющее на все пять чувств, всегда подчеркнуто эмоциональное, уходящее с большим количеством табу глубоко в детали повседневного поведения, напоминало человеку постоянное присутствие и непреходящий интерес мощных сил потустороннего мира. (Фразер 1963:90)

Со своей стороны человек запечатлевал в памяти и мыслях данные установки, обосновывал их для себя и старался внешне показать, что он понимает, знает, умеет и соглашается со всем этим. Поэтому с давних времен стал важным ритуал с определенными жестами, звуками, движениями, красками и запахами. Через все это миф становился мощным воспитательным нарративом. Это было Поучающее Повествование, перед которым человек испытывал благоговение.

Но когда зависимость человека от природы уменьшилась, когда возникла дифференциация и разделение труда, стали возникать первые государственные формирования и законодательство, стало распадаться и мифологическое мышление: из всеобщего духовного потока оно разделялось на более самостоятельные, хотя и еще сильно между собой связанные направления.

Специальные группы людей выполняли теперь определенные функции: жрецы, ученые, учителя, художники, архитекторы, поэты, музыканты, танцоры занимались все кокой-то более узкой областью духовной жизни.

Философский и религиозный аспект мифа в нарративном воспитании

Философия трактует нарратив как способ обретения человеком своей идентичности – в нем рассказчик «объективирует собственную субъективность» (Троцук: 3) Философская задача мифа – упорядочение миропонимания. Видимому и потустороннему миру придавались правила, объяснялось общее течение жизни, формировались причинно-следственные связи. Архи-история продолжала пульсировать во временном пространстве и вечности, она утешала и позволяла понимающему и повинующемуся человеку смотреть жизнерадостно и созидательно в будущее. Человеку давалось время для того, чтобы найти свое «я», приспособиться и усвоить табу не только как внешние запреты но как и внутренне познанную необходимость.

Миф научил человека с особым почтением относиться к трем самым важным событиям человеческой жизни: рождению, созданию новой жизни (брачные ритуалы) и смерти. Эти моменты оставались для человека долго настоящим чудом. Ведь не даром именно эти жизненные моменты всегда были окружены многочисленными ритуалами, сакральностью, таинствами и преклонением. По сравнению с нашим временем, когда рождение случайно, секс всего лишь низкая игра, а перед смертью у нас животный страх, мы видим, насколько более существенно воспитывающим являлось познание бытия через мифологическое переживание.

Религиозный аспект древнего нарратива взяли под свой контроль жрецы. Мировой порядок нужно было соблюдать и охранять, постоянно поддерживать страх перед богами. Законы нужно было разяснять, определять конкретные запреты и т.д. Жрецы были самыми знающими и авторитетными. Они умели манипулировать простыми смертными, использовать в архи-историях разные им нужные формулировки и акценты, засекречивание или подчеркивание деталей. Все это сохраняло мистику, страх, любопытство и усиливало веру. Жрецы владели «языком богов», умели с ними общаться и брали в этом общении основную ответственность на себя. Это давало им право потоянного и широкого контроля. От простых смертных требовалось лишь безприкословное выполнение правил и табу.

Страх перед могущественными богами превратился уже в период мифологического мышления в сильный дидактический и дисциплинирующий рычаг и усугубился в более поздних, особенно монотеистических религиях. В религиозном обществе нет места безнаказанности. Бог видел все. Не могло возникнуть понимания: «Если никто не видит, то никто и не видит». К сожалению, наши дети растут именно с такой мыслью.

Исторический аспект нарратива остался под контролем философов, жрецов и эпических поэтов-песенников. «Стремясь свести калейдоскоп прошлого к умпостижимому единству, современная история опирается на нарратив как главный способ описания событий через формирование контекста, их связующего. Концепт нарратива не просто сохраняет ценность многообразия – это форма, в которой находит свое воплощение специфичность и научность исторического исследования, в которой историк конституирует и осуществляет процедуру схватывания в единое целое некоторой серии эпизодов» (Троцук 2005:66) Воспитательные нарративы предлагались всегда всетаки как некий связанный поток действий во времени. Это превращалось в сказание с множеством отклонений, но определенной сюжетной линией.

Зачатки научного познания в древних воспитательных нарративах

Формирование любой науки проходит три стадии: накопление фактов о развитии той или иной сферы, являющейся объектом познания; прикладные научные обобщения и их проверка на практике, отбор достоверного исходного научного материала; теоретические выводы о закономерностях строения и динамики исследуемой сферы, выдвижение и проверка научных гипотез и теорий, формирование абстрактной науки.

Эмпирическая основа естественных и технических наук, а также зачатки прикладных наук были заложены в период неолита.

Осваивая земледелие и скотоводство, разнообразные виды ремесел (изготовление орудий труда, глиняных сосудов, одежды, примитивных украшений), строя дома и поселения, врачуя

раны и болезни, склонные к наблюдениям, обобщениям изобретательству члены неолитических общин накапливали знания о движении небесных светил, солнечных и лунных циклах, смене времени года (что позволило создать первые календари), учились считать и измерять (зачатки математики), познавали свойства воды, огня, используемых материалов (возникновение физики, химии, механики), знакомились с повадками живых существ, изучали собственный организм (биология, медицина). (Яковец 1995:166)

И все эти знания отражались в устных поучениях, сказаниях, легендах. Говорилось о первооткрывателях, изобретателях, но часто и богах, которые дали людям одно или другое важное умение или нужное приспособление.

Поэзия и литература в нарративном воспитании

Через долгую устную мифологическую память сформировалась эпическая поэзия. Б. Рассель подчеркивает, что «у языка три цели: указывать на факты, выражать состояние слушателя и изменять состояние слушателя.» (Рассель 1995:293)

Кассирер подчеркивает, ссылаясь на Макса Мюллера: «Древний, доисторический язык трудно используемый инструмент, особенно в религиозных целях. Человеческий язык в состоянии выразить абстрактные мысли лишь посредством метафоры. Без преувеличения можно сказать, что весь словарь древних религий состоит из метафор. И это является часто явным источником недоразумений. При том многие из этих недоразумений остались в навсегда в древней религии и мифологии» (Кассирер 1998: 569)

Миф существует в слове. Это рассказ. Для современного человека мифы мало отличаются от поэтических рассказов. Но миф будучи рассказом, это не то, что может быть рассказано любым человеком в любой обстановке. Человек, оставаясь самим собой, не вправе рассказывать мифы. Этим он профанирует и искажает сакральное. Действительными рассказчиками мифов были боги. Когда-то они поведали их людям. Люди становятся источником мифа только в состоянии божественного наития, они не более чем посредники богов, которые в мифах открывают людям сакральное знание о сути всех вещей. Сказывание мифов должно быть подчеркнуто всей обстановкой. Его настоящее место в ритуале.

Отношение к слову у древнего общества было глубоко сакральным. Это был подарок богов, и через сказания сказитель превращался в мага. Магии слова боялись и перед словом преклонялись. Большое количество священных слов, заклинаний нельзя было приносить где попало, существовали строгие табу. О магической силе слова помнили постоянно и этому обучали с малолетства. Точно мы не знаем, из какой глубины до нас дошло требование контроля за каждым словом. Но в первую очередь всегда было запрещено призывать зло, лгать, не выполнять обещанного и говорить впустую.

Древний человек знал и использовал очень сильную энергию слова. Это были заклинания. Заклинания действовали и дисциплинировали. (Тильк 1999:58). В большинстве своём заклинания были засекречены, принадлежали к арсеналу знахарей, т.е. знающих, были их мощным «оружием». Сакральность слова выражалась в молитвах и благодарственных гимнах, которые известны всем народам и культурам (Фрейденберг 1998:80). Такое слово поражает и сегодня еще своей эмоциональностью, точностью и силой. В молитвах и гимнах слово имело особо сконцентрированную созидающую или разрушающую силу, но и в повседневной речи нужно было быть осторожным. Старшие следили внимательно за словами детей и подростков. Нужно было помнить всевозможные табу на слова, нельзя было всуе упоминать имена богов, зверей, на которых охотились, имена предков и т.д.

К очень далекому прошлому относится святость личного имени. Оно было своего рода личным заклинанием. Имя ребенка засекречивали, на определенных возрастных этапах давали прозвища и т.д. Это отражается в сказках и сегодня. Узнать сокровенное имя – значит обезоружить. Или, пока помнят имя потомка, он живет.

Очень важным при исполнении сакральных текстов был голос, интонация, ритм. Все это создавало сакральное пространство и опиралось на поддержку божественной природы. То есть суммировалась информация песни, харизматичность исполнителя, ритм и интонация

слова, сакральность места, времени и т.д. И конечно, все это осуществлялось через ритуал.

Древние сказания знали, и все любили их слушать. Исполнителей не только уважали, их считали магами, на которых сходит божественное вдохновение. В разных культурах имеется в пантеоне богов всегда и бог-певец, который в состоянии лечить, воскрешать людей, заставлять их забывать горе. Отрывки текстов долго звенели в ушах, запоминались, создавали этические примеры и воспитывали.

Можно предположить, что очень важной формой обучения должна была быть тренировка памяти, или мнемоника. Поскольку мудрость общины передавалась устно, к запоминанию нужно было относиться очень серьезно. Нельзя было забыть ничего, но и от себя нельзя было прибавлять. От точности запоминания зависели хорошие отношения с богами. Поскольку общее количество информации имело огромный объем, мы должны предполагать наличие разработанной мнемотехники. Иначе было бы невозможно сохранить (кое-что вплоть до наших дней) этот устный священный материал. Как это делалось, какой методикой пользовались, мы не знаем. Наша память давно выведена вне. Мы обучаем своих детей не запоминать, а уметь искать, где, в каких источниках хранится нужная информация.

Значение музыки и танца в нарративном воспитании

Мы точно не знаем, какой была вокальная тренировка древнего периода, но что она была, доказывает существование эпических сказителей и их многочисленность. Общество ценило их очень высоко. Певец был демиургом, созидателем, через него слово не только звучало но и претворялось в жизнь. Карающие слова, проклятия убивали тех, против которых были направлены, здравицы, хвалы воскрешали, давали здоровье и жизненную энергию. Верили, что звучащее слово может убить или воскресить.

Нет на свете народа, который не умел бы музицировать, также, как нет одинаково музицирующих. У каждого народа своя оригинальная музыка. Своеобразие музицирования связано с климатическими условиями и исходящими из этого занятиями. Музыка один из знаковых языков. Для самовыражения человек использовал музыку, по-видимому, раньше, чем вербальный язык. Имитируя природные звуки, человек интуитивно включал туда и ритм. Ведь человек сам состоит из ритмов, он чувствует ритмы природы и ищет поддержки в синхронности колебаний. В мифах сказателям-песенникам придается сказочная сила. Музыка была даром богов, пение было заклинательным. Ведь недаром латинский глагол «канто» (пою) означал заклинаю, ворожу, колдую (Сийтан 1998:11)

Музыка помогала перебороть страх, придавала смелость перед борьбой. Поэтому долгое время музыка была частью воинственных ритуалов и поддерживала воинов. Но музыкой выражали и самые нежные чувства.

Обязательной частью миропонимания, познания жизненных правил, а потому и обязательной частью ритуального праздника был ритуальный танец. Танец был внешним выражением внутренней духовности человека. Это часто была передача жизненного опыта, молитва перед богами, способ смягчения их гнева, просьба о помощи – во всяком случае серьезная магическая процедура. Силу танца использовали также в боевых искусствах, особенно на Востоке. Движения, выполнявшиеся в определенном порядке, выражали внутренние напряжения и целевые установки. Например, позы и движения *кунг фу* имитируют движения зверей, птиц и насекомых. Борец должен внимательно изучать природу, чтобы наконец слиться с ней в полной гармонии. Следовательно, танец был одной из форм обучения жизни. Ритуальный танец считался святым, в нем концентрировали всю физическую энергию, умственные ресурсы и фантазию (Тильк, 2003: 24). Ведь недаром ритуальные танцы у многих народов были засекречены. Посредством магического танца человек входил в транс, приближался к богам, получал утверждение, что боги им довольны. Ритм танца, все движения, танец целиком подчинялись определенному порядку. Танец изучали, его разъясняли, в него входили. Танцоры тоже превращались из простых смертных в жрецов, получали в процессе танца новое качество и новые знания.

Искусство как элемент нарративного воспитания.

Искусство также является важным моментом в воспитательном нарративе. Оно выражало представления человека, его страхи и надежды. Человек познавал красоту и гармонию, создавал модели красоты, учился наслаждаться и подражать. Начиная с пещерных рисунков и кончая древними храмами, человек продвигался в своем развитии к упорядочивающим законам гармонии. Так рождалась эстетика.

Одна из самых архаичных форм человеческой деятельности исходит из желания наряжаться. Посредством украшений, знаков и цвета человек передавал богатую информацию, которая мало изменялась и повторялась из поколения в поколение. Украшение было извещением или комплексом сообщений, и это нужно было уметь читать. Знания и миропонимание человека устной культуры записывались в первую очередь языком украшений. Так передавались разные магические аспекты - защитная и лечебная магия, подчеркивание социального положения, разные конкретные сигналы и т.д.

В изображении украшения, а также одежды важная информация содержалась в орнаменте. Магический орнамент и святой узор придавал вещи сакральность. К орнаменту относились, как к источнику энергии, которая сможет не только защитить, но и сама действовать активно. Святой узор очищал, совершенствовал и упорядочивал картину мира. Украшения и орнаменты не выдумывались просто так и не выполнялись по чьей-то прихоти. Как с их ношением, так и с изготовлением были связаны определенные нормы и установки. Самой интимной стороной украшательства и украшений была связь человека с его защитными духами и представлениями о потустороннем мире. Это была своего рода граница между внутренним и внешним мирами.

Чем загадочнее и многозначнее был знак, тем глубже был след, который он оставлял в чувствах, знании и памяти.

Роль нравственности в нарративном воспитании

Когда миф как целостность стал распадаться и появились группы людей, которые руководили своими сородичами и контролировали отдельные аспекты мифологического миропонимания, для нравственности не возникло отдельной группы знающих и проверяющих.

Жрецы подчеркивали связь этических норм с волей богов. Знатоки права и законодательства, которые возвысили целый ряд бывших правил поведения на уровень законодательных норм, подчеркивали контролирующую и наказывавшую силу государства и поддерживающего его судоустройства.

Учителя старались передать следующему поколению именно такой санкционированный поведенческий порядок. Философы рассуждали о сути этических норм.

И в дальнейшем в течение тысячелетий этика продолжала оставаться в разных течениях духовной жизни частью с неуловимыми границами, т.е. как бы везде и в то же самое время нигде.

Этике обучали все вышеназванные аспекты повесований: сакральность слова, ритуалы, повседневное поведение и т.д., и именно как-бы размытые границы этики давали возможность в дальнейшем в разных временных пространствах выдвигать этические требования с разной интенсивностью (проблемы чести и смерти, ответственности, и т.д.).

Семья и основы образования в воспитательном нарративе

В связи с семьей возникло издавна большое количество табу. Как уже было сказано, особенно важными были заветы и предписания при рождении, брачных обрядах и смерти. Все этому обучали с детства в каждой семье. Рабочие навыки получал ребенок также в семье: отец показывал сыну, а мать дочери, как нужно что делать. Умение передавалось путем постоянной демонстрации. При этом в семье было четкое распределение на мужскую и женскую работу.

Отец и мать всегда были заинтересованы в том, чтобы их дети рождались и росли здоровыми и сумели бы как можно лучше освоить мышление и поведение требуемое общиной. В то же время существовал жесткий естественный отбор, в живых оставались и до взрослого возраста доживали лишь те потомки, которые были не только самыми здоровыми, но и внимательные ученики и перенимателями опыта. Жизнь была относительно коротка, учиться нужно было быстро и больших ошибок делать было нельзя. Как уже было сказано, вся жизнь была ритуализирована, и выражению индивидуальности места было мало. Ребенок просто старался как можно точнее подражать родителям. При том между родителями и детьми всегда оставалась какая-то таинственность познания, дистанция. Младшие должны были не только учиться и подражать, но и просто ждать, «дозреть» во времени.

Всегда требовалось почитание старших, бесприкословное подчинение им, а также почитание умерших предков.

Образование занимает в воспитательном нарративе также издавна важное место. Ведь ритуальными действиями руководили в родовом обществе всегда знахари (знающие), мудрецы, шаманы, колдуны. Они были теснее связаны с богами и вечностью, они владели засекреченной информацией, они правили всеми соплеменниками. Но в первую очередь они были *учителями*. Мы должны помнить, что правление и руководство в те далекие времена означало в первую очередь *ответственность*. Знахари зависели от созданного богами порядка еще более, чем простые соплеменники, и должны были часто искупать свою вину ценой собственной жизни. **Они были в одном лице учителями, судьями, лекарями, советниками, жрецами и устной памятью.** На них лежала ответственность за нахождение и правильное обучение новых учеников. Под мудростью в те времена подразумевали в первую очередь интуицию и основанные на ней знания и умения. Учителя были тесно связаны с ритуалами инициации и отвечали за этот сверхважный комплекс действий.

Инициация была проверкой результатов устного воспитания. Можно сказать проверкой действительности всего нарративного воспитания.

Подростки всех доисторических народов должны были в обязательном порядке пройти комплекс различных ритуалов, чтобы доказать свою состоятельность стать полноправным членом взрослого общества. Часто инициации предшествовало участие в обучении в т.н. *домах молодежи*, которые могут рассматриваться как зародыши школ. Здесь молодежь получала навыки социализации.

Инициация у первобытных народов главным образом связана с болезненными физическими испытаниями, длительным постом, психическими испытаниями: например, длительное одиночество, медитация, пересилиение страха и многие другие испытания. В те времена инициация была в жизни человека так важна, что к ней готовились часто с детства. Успешное прохождение всех испытаний было одной из основных жизненных целей молодого человека. (Элиаде 1999:65). Инициация была мощным стимулом воспитания, так как существовала возможность провалиться или плохо сдать этот жизненно важный экзамен (что практически равнялось провалу). Подросток знал, что он должен в этих испытаниях сконцентрировать всю свою физическую и психическую силу и что это будет и страшно, и больно. Но в то же время инициация была огромным самоутверждением, это был аттестат зрелости, и как таковой чрезвычайно желаемый и ожидаемый. Быть полноправным членом в этом обществе, где коллективность особенно подчеркивалась, было очень престижно. Успешное прохождение инициации давало также право (часто и обязанность) создать семью.

Эти ритуалы были издавна направлены в большей мере на мужчин. Инициацию проходили и девочки, но их подвергали менее болезненным ритуалам. Хотя у многих народов при инициации девочек особое внимание обращалось на сексуальное воспитание (в том числе и на философский аспект). Ведь от женщины зависело здоровье и выносливость следующего поколения.

В ритуалах инициации было также много секретного. Проходящий эти экзамены узнавал много нового, ему открывались тайные знания, значения многих обрядов, вещей и явлений. Он сталкивался в понятиями смерти, секса (у многих народов весьма болезненное обрезание), воздержания. Он рождался для новой жизни и через это получал мудрость, знания. Прощедший инициацию был не только *перерожденным*, но теперь и *образованным*, он узнавал глубинную суть.

В инициации можно уже выделить основные черты формального образования, которые нам известны и сегодня:

- подготовка к участию в социальной жизни,
- дополнение спонтанной и стихийной естественной социализации, в том числе и семейной, которая проводилась двояко: демонстрация примера на практике и осмысление и перенятие специально отобранных и сконструированных знаний,
- выбор тематики формировал более или менее осмысленные цели и принципы, т.е. выбор предполагал теоретически обоснованный план или его философскую основу,
- определенная установка, которая обеспечивала встречу более совершенных и опытных людей (учителей, воспитателей) с менее совершенными, незнающими и неопытными (учениками, подопечными)
- суть учения передавалась и перенималась в определенном сотрудничестве посредством методов и технологий обучения.
- цель считалась достигнутой и план реализованным лишь тогда, когда процесс обучения кончался открытой демонстрацией освоенного, т.е. экзаменом или испытаниями.

Ритуал как метод нарративного воспитания

Ритуал сопровождал человека от рождения до смерти. Каждое повседневное действие было обращением к богам. В праздники благодарили богов, перед войной испрашивали победу, просили дать счастливые знамения, перед охотой просили богатую добычу и т.д. Часто ритуалы были инсценировками мифов. Различить игру и действительность было невозможно. Какой-то определенный эпизод проигрывался опять и опять. Это была своеобразная ретрансляция памяти – передача памяти посредством слова и движения, действия, игры, пения, танца, запаха, цвета, Ребенок начинал это осваивать с раннего детства, видя, слыша, трогая, ощущая запахи. Он обучался «говорить» с богами своим телом, языком и мыслями.

У игр были уже в том далеком прошлом свои определенные моральные основы. Игра подчинялась согласованным и освященным обрядами правилам и являлась сама по себе священной. Игра была неотъемлемой частью ритуального действия – инициации, мистерии, поучения, заклинания, пения, и танца, Например, при передаче древних знаний предпринимались соревнования по разгадыванию загадок. (Лотман 1999: 159)

Голландский историк культуры И.Хейзинга подчеркивает два аспекта игровой функции: всегда хотят или что-то «показать» или надо «из-за чего-то бороться» (Хейзинга 1997: 41) В культовых играх во время «показа» человек становится частью этого. Игра очень серьезно воспринимается и в ритуалах сегодняшних первобытных общин. Из глубокой древности дошедшая до нас сакральная игра отражается чаще и больше, чем на первый взгляд мы понимаем, в наши дни в спорте, войне, танце, театре, дипломатии и в обучении. В ритуальной игре стало формироваться понятие героя и героизма.

Одновременно с ритуалами возникают и *символы*. Человек догосударственного периода умел общаться и точно определяться в обществе и природном пространстве с помощью символов. (Купер 1986: 103). Опять же какое-то количество символов засекретили. Стоит вспомнить, что все алфавиты мира произошли когда-то от магических знаков. В те давние времена человек был связан с магическими знаками намного теснее, он воспринимал в них содержащуюся энергию, верил, боялся и повиновался этой силе.

Предполагается, что ритуал предшествовал речи, поскольку это знаковая деятельность, состоящая из точно фиксированных поочередных действий. Эти движения соответствовали словам, а затем, на более высоком уровне, и предложениям. Так что в самом начале могло быть не Слово, а Действие.

Ритуалы совершали люди, но на точке самой высокой активности были задействованы

боги. В ритуале секретное оставалось неозвученным, в мифе оно озвучивалось. Миф стал вербализованным ритуалом. Можно сказать, что ритуал – это сакральное действие, миф – сакральное знание и поучение. Миф – идеал, а ритуал – практика. Это две стороны одной медали. (Мифология. 1977:5)

В первобытном обществе вся человеческая деятельность была ритуализирована: трудовые действия, война, еда, сексуальная жизнь, отношения, горе, радость и т.д. Ритуал был универсальным. Его выполняли, чтобы приблизиться к богам, а если возможно, и соединиться с ними. Ребенок рос среди такой повседневной жизни, видел и получил навыки ритуальности, познавал через ритуал окружающий его мир.

Ритуальность выражается в языке, жестах, мимике, пантомиме, хореографии, песне, музыке, живописи, в выборе запаха и цвета. В ритуале человек использует зрение, слух, обоняние, осязание, чувство вкуса а также сердце, ум, эмоции, волю. Благодаря ритуалу стало возможным возникновение музыки, театра и танца.

Выходит, что ритуал означал для человека настоящую жизнь. Все знали, если ритуалы не выполнять, то наступит конец света. Каждый ритуал укреплял мироздание. Повседневная жизнь была приближена к сакральному бытию. А это требовало в первую очередь *жертвоприношения и отрешения*.

Жертвоприношение отражалось, например, в еде. Ели определенную еду в определенном порядке. Это происходило у стола (древнего алтаря). Предписывались определенные движения, жесты, начальное значение которых могло быть уже и забыто. В зависимости от времени нужно было есть определенную пищу, в другое время эта же пища была запрещена. Особенно строгие правила касались крови, мозга, глаз и головы животного. К примеру, до наших дней дошли ритуальные правила и табу на еду и застольное поведение древних финно-угров.

Мы едим из-за голода, ради забавы или для наслаждения. Для древнего человека еда была сакральным действием, очаг был святым, стол был алтарем – местом жертвоприношения. Через ритуал еды глава семьи превращался в жреца, а каждая трапеза – в священнодействие.

То же повторялось со всеми другими действиями – трудовые операции, охота, война, рождение, похороны, горе и радость.

Ритуал мог проявляться в разбавленном и концентрированном виде. В качестве примера концентрации ритуальности можно привести пир. По мнению этнографов, праздничное время в первобытном обществе могло достигать половины года. Современному человеку трудно представить, какое значение имело праздничное время для его первобытного предка. Для него время становилось сакральным. Пир был полнотой всего существования. Человек превращался, обновлялся и приближался к богам. На самой высокой точке пир мог превратиться в свою противоположность. Порядок превращался в хаос, все растворялось в первозданном бытии, и нужно было с помощью богов обновлять порядок. Это было, как смена времен года.

Разумеется, пиры были очень разные, но их связывали четыре принципа и стадии, через которые проходили все ритуальные празднества: очищение (ритуальное омовение, чистая, белая одежда, воздержание), путь (разной длины во времени и пространстве), жертвоприношение (лучшее, кусок от себя) и «обожение» (общая трапеза с богами) (Сапронов, 1998:112). В рамках первобытного ритуала помимо удовольствия от еды и питья человек чувствовал благоговение, экстаз. Отсюда и двусмысленность вина как восторга и приближения к хаосу.

Многое из древней ритуальности знакомо нам и часто использовано, даже когда мы не знаем, откуда берется тот или иной обычай, не говоря о том, что мы, как правило, уже не знаем, почему один или другой обычай возник, какова далекая первопричина.

Заклучение

В итоге можно сказать, что используя в педагогической парадигме подход нарративного воспитания, и опираясь на историко-генетический метод, можно выявить более глубокий, многогранный исторический фон. Мы сможем дать как учителям так и подрастающему поколению широкий и глубокий обзор многих, часто не замеченных современной педагогикой узких тем, которые с первого взгляда прямо и не стыкуются с данным предметом, но все же вносят свою лепту в целостную модель воспитания и придают ему всесторонность и живую пестроту. Нарративный подход дает возможность лучше понять значение изучения человеческого бытия в целом, которое и является действительным воспитателем молодого поколения.

Summary

NARRATIVE IN HISTORY OF EDUCATION

Maria Tilk

Tallinn University, Estonia

The narrative approach to research of educational problems, issues in historical context gives, from one side, many additional possibilities to enliven and concretise different educational situations in time-space. From another side this approach enriches general characteristics in philosophy and history of education.

In current paper narrative analysis is applied to most distant, prehistoric period of existence of human being. This was the stage when mythological view and understanding of a world appeared, developed and took its course with beginnings of all its tabus and rights and laws, obligatory initiation, authority and responsibility of knowers-teachers-schamans. At this period attention was paid to three obligatory moments at human's life-arc – birth, creation of new life together with sexual education and marriage rituals, and death.

Narrative approach allows to see and understand in history of education the wide spectrum of educational aspects what co-exist in fullness and wholeness of myth like philosophies, history, poetics, ethics, epical literature, art, education and rituals.

Every aspect blends into the wholeness of being, existence what draws on mythical thinking. Many of educational understandings have reached us from this far-away period and there are much more of them than we usually suppose to think.

The special attention in paper will be on key words like sign, gesture, word, dance, ritual what play an important role in educational narrative as well.

Key words: *narrative approach, history of education, gesture, myth, ritual.*

Литература

- Cooper, J.C. (1986). *Lexikon alter Symbole*. Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag.
- Frazer, J.G. (1963). *The Golden Bough*. Macmillan Paperbacks.
- Golan, A. (1999). *Myth and Symbolism in Prehistoric Religions*. Jerusalem.
- Lotman, J. (1999). *Semiosfäärist*. Vagabund.
- Russell, B. (1995). *Uurimus tähendusest ja tõest*. Tallinn, HORTUS LITTERARUM.
- Siitan, T. (1998). *Õhtumaade muusikalugu I*. Talmar&Põhi Avita.
- Tilk, M. (2003). *Kasvatus eri kultuurides I*. Tallinn.
- Tilk, M. (1999). *Keelemaagiast* (J. Aavik. Keeleuenduslik kirjastik. Artikleid ja arhivaale. B3). Tallinn.
- Брокмейер, И., Харре Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*, №3, 32-48.

- Кассирер, Э. (1998). *Избранное: опыт о человеке*. Москва: «Гардарика».
- Культурология* (1998). Ростов на Дону : «Феникс».
- Мифология древнего мира* (1977). Москва: «Наука».
- Сапронов, П.А. (1998). *Культурология. Курс лекций по теории и истории культуры*. Санкт-Петербург, «Союз».
- Троцук, И.В. (2005). Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках. *Вестник РУДН*, №. 6-7, 56-74.
- Шкуратов, В.А. (1997). *Историческая психология*. Москва: «Смысл».
- Хейзинга, И. (1997). Хомолуденс. *Статьи по истории культуры*. Москва: «Прогресс-традиция».
- Элиаде, М. (1998). *Миф о вечном возвращении. Миф, религия, культура*. Санкт-Петербург, «Алетейя».
- Элиаде, М. (1999). *Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. Миф, религия, культура*. Москва-Санкт-Петербург, «Университетская книга».
- Яковец, Ю.В. (1995). *История цивилизации*. Москва, «ВлаДар».
- Фрейденберг, О.М. (1998). *Миф и литература древности*. Москва: «Восточная литература».

*Advised by N.V. Malceva Zamkovaya (H. B. Мальцева-Замковая),
Tallinn University, Estonia*

Maria Tilk

Assoc. Professor at Tallinn University, Estonia.
Muurivahe Street 17-4, Tallinn, Estonia.
Phone: +372 6442660.
E-mail: mariat@tlu.ee
Website: <http://www.tlu.ee/?LangID=2>